

Научная статья

УДК 165.41

doi: 10.17223/1998863X/88/5

О СКЕПТИЦИЗМЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗНАЧЕНИЯ, ПЕРФОРМАТИВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ И ФИЛОСОФИИ

Анна Юрьевна Моисеева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aymoiseeva@hse.ru*

Аннотация. В своей недавней статье «Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики» М.А. Смирнов проводит критический анализ аргументов В.А. Ладова и Е.В. Борисова против скептической позиции в отношении значения, основанных на сведении этой позиции к перформативному противоречию. Настоящая статья является ответом М.А. Смирнову и одновременно защитой собственной позиции по обсуждаемой проблеме.

Ключевые слова: скептицизм относительно значения, аргумент от перформативного противоречия, прагматика философского дискурса

Благодарности: статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Моисеева А.Ю. О скептицизме относительно значения, перформативном противоречии и философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 41–50. doi: 10.17223/1998863X/88/5

Original article

ON SKEPTICISM ABOUT MEANING, PERFORMATIVE CONTRADICTION, AND PHILOSOPHY

Anna Yu. Moiseeva

National Research Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, aymoiseeva@hse.ru

Abstract. In his recent article, “An Analysis of the Problem of Skepticism Regarding Meaning in the Categories of Linguistic Pragmatics,” M. Smirnov critically analyzes V. Ladov and E. Borisov’s arguments against the skeptical position regarding meaning, based on reducing this position to a performative contradiction. According to Smirnov, the conclusion that the skeptic contradicts himself when he talks about the impossibility of making any true statements, particularly statements about meaning, is ill-founded. The underlying thesis of Smirnov’s argument is that the skeptic’s speech act, in the context of his communication, may have a different pragmatic character than the expression of statements about reality considered true. Therefore, there is no performative contradiction between the fact of his utterance and the content of that utterance. The thesis opposed to Smirnov’s one in this article is that skepticism regarding meaning is not overcome by the skeptical position leading to a performative contradiction in the strict sense, as Ladov and Borisov argue, according to Smirnov’s reconstruction of their views. Rather, it is overcome by the fact that it has consequences in the realm of pragmatics that normatively exclude the skeptic from the context of philosophy itself as a practice and immerse them in a qualitatively different

context. The basic thesis of the article is that philosophical activity is inherently normative. It is governed by implicit conventions, one of which is the sharing of a specific communicative intention. By participating in a philosophical discussion, one commits to the pragmatic stance that one's statements will be understood as assertions that claim truth, and as such, these statements can be defended, questioned, and have consequences drawn from them, among other things – things we do with such assertions. Therefore, as one's opponents, we have the right to consider this stance, among other things. If, as Smirnov argues, we cannot attribute to the skeptic the intention to make a certain assertion, then we undermine not only the argument from Ladov and Borisov's performative contradiction, but also the discussion of skepticism itself. Even if we do not regard the skeptic's statements as nonsense, we are to recognize them as something external to the activity we engage in as philosophers. This renders philosophical polemics with the skeptic empty in a pragmatic sense.

Keywords: skepticism about meaning, argument from performative contradiction, pragmatics of philosophical discourse

Acknowledgments: The article was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE).

For citation: Moiseeva, A.Yu. (2025) On skepticism about meaning, performative contradiction, and philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 41–50. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/5

Введение

Преодоление скептицизма относительно значения представляется жизненно важной задачей в рамках философского исследования языка, и именно этой теме было посвящено недавнее исследование М.А. Смирнова [1]. Тезис, который я хочу противопоставить тезису М.А. Смирнова и надеюсь защитить в данной статье, состоит в том, что скептицизм в отношении значения преодолевается не тем, что скептическая позиция ведет к перформативному противоречию в строгом смысле, как утверждают В.А. Ладов и Е.В. Борисов, согласно реконструкции их взглядов М.А. Смирновым. Он преодолевается тем, что имеет такие следствия в сфере прагматики, которые с нормативной необходимостью исключают скептика из контекста самой философии как практики и погружают его в качественно иной контекст. Я намерена дать обоснование этого тезиса и его сопоставление с позициями М.А. Смирнова, В.А. Ладова и, отчасти, Е.В. Борисова.

Скептицизм в отношении значения и аргумент от перформативного противоречия

Как известно, наиболее радикальная позиция скептицизма в отношении значения принадлежит Л. Витгенштейну в том изложении его взглядов, которое дается С. Крипке [2]. Следует признать, что скептические аргументы Витгенштейна (в изложении Крипке) до сих пор не опровергнуты в философии языка окончательно, однако обсуждается множество подходов к их преодолению в том или ином смысле. Так, в работах В.А. Ладова и Е.В. Борисова, на которые ссылается М.А. Смирнов [3–6], используется аргумент против скептицизма относительно значения, связанный со сведением скептической позиции к особому виду противоречий, известному как перформативные противоречия. В своей статье М.А. Смирнов реконструирует и критически анализирует этот аргумент. Ниже будут приведены основные пункты его анализа, те возражения, которые М.А. Смирнов выдвигает, и те

выводы, к которым он приходит, а в следующем разделе будет дан мой комментарий к его выводам.

Реконструкция М.А. Смирновым аргумента от перформативного противоречия заключается в следующем: «Позиция скептика в общем случае подразумевает невозможность или бесполезность делать какие-либо истинные утверждения (и, таким образом, формулировать какие-либо теории)» [1. С. 25]. В частности, скептицизм относительно значения подразумевает невозможность делать истинные утверждения относительно значения. Чтобы аргумент работал, нужно при этом допустить, что «скептик рассматривает свою позицию как некоторую теорию, включающую как минимум одно истинное утверждение (а именно утверждение о невозможности делать какие-либо истинные утверждения), т.е. в данном случае утверждения о значении (пояснение мое. – *А.М.*)), «[т]огда получается, что, отрицая на словах такую возможность, он посредством тех же самых слов ее реализует, вступая в перформативное противоречие с самим собой. Исходя из этого, можно заключить, что позиция скептицизма... неверна» [1. С. 25].

Исторически стратегия сведения к перформативному противоречию широко использовалась против скептицизма в целом, и скептицизм относительно значения не является здесь чем-то особенным. Однако в деталях аргументация от перформативного противоречия разными авторами выстраивается по-разному. Я привела здесь точные цитаты из статьи М.А. Смирнова именно для того, чтобы в дальнейшем показать, что его критика этой аргументации не действует против аргумента от перформативного противоречия, выстроенного несколько иначе, чем он это делает. Я не берусь утверждать, что мой способ реконструкции этого аргумента является тем, который имели в виду В.А. Ладов и Е.В. Борисов. Я утверждаю лишь то, что мой способ вполне согласуется со всем, что они сказали, и при этом не является, насколько я могу видеть, уязвимым для критики по стратегии М.А. Смирнова.

Критика М.А. Смирновым аргумента с позиции теории речевых актов

Базовый для рассуждения М.А. Смирнова тезис заключается в том, что речевой акт скептика может иметь в контексте его коммуникации иной прагматический характер, отличный от выражения утверждений о реальности, рассматриваемых как истинные. «Этот акт может не быть направлен на формулировку теории, выражающей некоторую истину, и поэтому не вступать в противоречие с позицией тотального скептицизма». С позиции введенного Дж. Остином [7] различия между локуцией, иллокуцией и перлокуцией, на которое ссылается М.А. Смирнов, можно сказать, что «предложения, локутивно эквивалентные утверждениям, могут использоваться скептиком в другом иллокутивном модусе. Например, тотальный скептик может понимать любые свои высказывания как шутку или театральную постановку либо даже как пустые колебания воздуха или бессмысленную рябь букв» [1. С. 26]. При этом, как подчеркивает М.А. Смирнов, «речь в режиме скептической иллокуции необязательно рассматривать как бесцельную и бездейственную. Вряд ли кто-то будет оспаривать, что театральная постановка или ху-

дожественный текст могут оказывать на реципиента определенное действие, иногда – менять его мировоззрение. Подобным образом нам не следует исключать такую возможность и для скептической иллюкуции» [1. С. 26].

Далее, как пишет М.А. Смирнов, остается применить все это к проблеме скептицизма относительно значения. Учитывая приведенное выше рассуждение, он задается по поводу скептического аргумента следующим вопросом: в отношении какого значения релевантен этот аргумент – локутивного, иллюкутивного или перлокутивного? Перебирая все три варианта, он приходит к следующим выводам:

1. Чтобы представить скептический аргумент как направленный на локутивное значение и при этом совместить его с теорией речевых актов, нужно разграничить в семантике два аспекта: с одной стороны, *аспект значения*, т.е. «соотнесение языковых выражений с некоторыми объектами» [1. С. 30]; с другой стороны, *аспект значимости*, т.е. «само наличие таких объектов и структурных связей между ними» [1. С. 30]. По этому пункту заключение М.А. Смирнова следующее: «Проблема скептицизма ставит под вопрос первый аспект, однако он в некотором смысле является несущественным для локуции. Ведь это понятие подразумевает просто возможность абстрактного инварианта выражений, относящихся к некоторому типу, но отнюдь не утверждение о том, что любой агент употребляет подобные (в синтаксическом плане) выражения именно в таком ключе» [1. С. 30].

2. Если представить скептический аргумент на иллюкутивном уровне, его суть состоит в неопределенности интерпретации, т.е. в невозможности «понять, почему в конкретном случае (при определенных обстоятельствах и с определенными намерениями) агент речи указал на некоторые онтологические объекты (или категории)». В этом случае, как утверждает М.А. Смирнов, синтаксический аспект языка, т.е. правила порождения осмысленных высказываний, является неважным, поскольку сам вопрос об иллюкутивном значении возникает только тогда, когда локутивное значение уже имеется (и, добавим от себя, оно четко определено, смысл этого добавления см. ниже). «Интерпретация иллюкутивных значений – это область абдуктивных умозаключений, носящих вероятностный характер. Применительно к ним проблема скептицизма в отношении значения имеет существенный смысл... Таким образом, интерпретация иллюкутивных значений теоретически может оставить каждого из нас, как реципиента речевой коммуникации, в своем собственном воображаемом мире, не тождественном действительному» [1. С. 31].

3. Что касается перлокутивного аспекта, т.е. реального практического эффекта актов коммуникации на чувства, мысли и поведение реципиентов, здесь, с точки зрения М.А. Смирнова, скептицизм относительно значения, напротив, получает разрешение и снимается как проблема. Поскольку «если верно допущение о том, что на практике мы все и во все времена находимся в одном и том же действительном мире, то воображаемые миры наших интерпретаций не могут быть абсолютно произвольными – по крайней мере, если они позволяют нам осуществлять относительно эффективную целенаправленную практику» [1. С. 31]; М.А. Смирнов приходит к выводу, что именно перлокутивный аспект значения обеспечивает тот базис, на котором основаны

вается относительная устойчивость и интиллигибельность локутивного и иллюкутивного аспектов¹.

Анализ критики и возражения М.А. Смирнову

Содержание статьи М.А. Смирнова, как можно видеть из предыдущего раздела, распадается на две относительно независимые части: во-первых, как таковая критика аргумента против скептической позиции от перформативного противоречия; во-вторых, анализ самой скептической позиции на предмет того, какой вид значения (с точки зрения различения локуции, иллюкуции и перлокуции в теории речевых актов) этой позицией отвергается. К ответу на первую часть я перейду позже, а сначала отвечу на вторую.

В процессе разбора М.А. Смирновым вопроса о применимости скептицизма к различным видам значения оказывается, что, признавая скептические аргументы отчасти справедливыми применительно к локуции, автор не считает существенным тот аспект, который они подрывают, а именно то, что я называю *аспектом значения*. С точки зрения М.А. Смирнова, если я правильно ее понимаю, для функционирования локуции достаточно *аспекта значимости*, иными словами, того, чтобы существовала сама абстрактная структура значений (т.е. конкретные семы, семантические категории, правила семантической сочетаемости и т.д.). Что касается аспекта значения, если я опять-таки правильно понимаю, его позиция состоит в том, что возможность соотнести конкретные слова с конкретными значениями должна быть на уровне «взгляда Бога», так сказать, но не обязательно, чтобы она была на уровне обычных говорящих.

По-моему, это в целом неверный взгляд на язык. Даже если рассматривать семантику как нечто «начертанное на небесах», наподобие математической физики, все равно ее законы и правила имеют смысл лишь постольку, поскольку мы считаем, что они определенным образом относятся к «нормальной» языковой практике – регулируют и объясняют эту практику. Скептицизм относительно значения вызывает у нас беспокойство именно потому, что значение нам нужно, чтобы быть уверенными в том, что наши языковые практики регулярны, что наш язык «работает» так, как мы от него ожидаем. И если в какой-то момент наши ожидания не оправдываются, мы хотим знать, почему это произошло. Для этого недостаточно одной лишь абстрактной возможности приписать значения словам так, чтобы вся система языка оказалась семантически согласованной. Нужно понимать, *что именно* слова означают фактически². Против возможности такого понимания и нацелен скептический аргумент. Поэтому его никак нельзя считать несущественным.

¹ В данном случае тот ответ на скептический аргумент, который предлагает М.А. Смирнов, представляет собой, по-видимому, нечто вроде принципа доверия (principle of charity), предлагаемого Д. Дэвидсоном в качестве посылки, которая должна приниматься как условие возможности всякой коммуникации [8. Р. 19]. Этот ответ, если его эксплицировать, мог бы выглядеть так: интерпретируя чье-то высказывание, всегда предполагай то значение слов, которое позволит объяснить вашу совместную практику как основанную на взаимопонимании и соответствии друг другу ваших интенций, насколько это возможно.

² «Понимать» в данном случае может означать не умение сформулировать правило, а лишь некую чувствительность к тому, правильно ли используются слова в конкретном случае. Такое основанное на чувствительности понимание Х. Гинсборг называет установкой «примитивной уместности» [9].

Далее, разбирая иллокутивный смысл проблемы скептицизма, М.А. Смирнов признает, что проблема на этом уровне имеет место, однако, как он пишет, это и неудивительно, поскольку иллокуция принадлежит к области интерпретации на основании абдуктивных умозаключений. Этот тезис косвенным образом подкрепляет его соображения по поводу скептической иллокуции, высказанные в первой части статьи. Действительно, высказывания скептика выглядят так, как если бы они были сделаны с целью утверждать что-то истинное, и именно так они воспринимаются авторами, выдвигающими аргумент от перформативного противоречия, в частности, В.А. Ладовым и Е.В. Борисовым. Однако это лишь абдуктивный вывод, который легко может оказаться ложным. Мы не знаем подлинных интенций скептика и не можем их знать. На иллокутивном уровне аргументация М.А. Смирнова безупречна. При этом хочется добавить, что сама постановка проблемы скептицизма относительно иллокутивного значения становится возможна лишь после того, как скептическая аргументация будет отражена на предыдущем уровне и в локутивном значении мы будем иметь определенность.¹ Отсюда следует важность проблемы скептицизма на уровне локутивного значения.

Наконец, самым интересным как для М.А. Смирнова, так и для меня в настоящей статье является перлокутивный уровень. И если мой уважаемый оппонент видит на этом уровне лишь способ разрешения и снятия скептического сомнения, то я хочу пойти дальше. На мой взгляд, именно перлокутивный уровень делает скептическую позицию философски несостоятельной и, по сути, обеспечивает тот самый эффект, о котором В.А. Ладов и Е.В. Борисов говорят как о перформативном противоречии. Однако речь здесь идет уже, строго говоря, не о правилах языка, а о конвенциях, существующих в области деятельности под названием «философия». Я утверждаю, что скептическая позиция является самоподрывной именно с точки зрения того, чем мы занимаемся, когда философствуем, или, по крайней мере, с точки зрения того, как «нормально» это понимать. В этом состоит мое, более широкое, чем у М.А. Смирнова, понимание перформативного противоречия, которое я кладу в основу своей версии аргумента против скептицизма.

Широкое понимание перформативного противоречия и другая версия аргумента

Что есть философия? Вопрос крайне обширный, очевидно, и не решаемый в рамках короткой полемической статьи по совершенно иной теме. Однако кое-что об этом я считаю возможным сказать с достаточной уверенностью. Философская деятельность по своей природе нормативна. Она регулируется имплицитными конвенциями, одной из которых является разделение определенной коммуникативной интенции. Участвуя в философской дискуссии, человек обязуется принимать прагматическую установку, что его высказывания будут пониматься как утверждения, претендующие на истинность, и в качестве таковых эти высказывания можно защищать, подвергать сомнению, выводить из них следствия и подобные вещи, которые мы делаем

¹ Постольку, поскольку оно является носителем иллокутивного значения.

с такими утверждениями¹. А раз так, мы как его оппоненты имеем право принимать в расчет, в частности, эту установку.

Если, как утверждает М.А. Смирнов, мы не можем атрибутировать скептику интенцию сделать некоторое утверждение, то мы лишаем почвы не только аргумент от перформативного противоречия В.А. Ладова и Е.В. Борисова, но и саму дискуссию о скептицизме. Даже если не рассматривать высказывания скептика как бессмыслицу, мы будем вынуждены признать их чем-то внешним по отношению к той деятельности, которой мы как философы занимаемся. Это делает философскую полемику со скептиком пустой в прагматическом плане. Вместо того чтобы дискутировать с ним, было бы более уместно, может быть, рассказать ему анекдот или прочитать стихи – это зависит от того, какую иную коммуникативную интенцию, помимо интенции сделать утверждение, мы будем способны вычитать в его высказывании.

Следовательно, скептицизм относительно значения может существовать лишь как позиция для частного употребления. В момент же ее артикуляции в философском контексте скептик неизбежно совершает шаг, который действительно можно назвать перформативным противоречием, но в более широком смысле, чем об этом говорит М.А. Смирнов. Это противоречие на уровне перлокутивного значения: содержание высказывания скептика противоречит не самому акту высказывания, а воздействию этого высказывания на адресата в рамках определенного института осмысленной речи, именуемого философией. Проще говоря, скептик либо создает самоотрицающую философию, либо что-то другое, что философией считаться не должно.

Заметим, что такой парадоксальный характер философских высказываний в целом присущ позднему Витгенштейну. И это, конечно же, не делает его в меньшей степени философом – это лишь делает его философом, отстаивающим позицию, которую невозможно отстаивать прагматически последовательно. Здесь уместно процитировать В.А. Ладова, который замечает, что «поздний Витгенштейн, например, мог бы усомниться, что наука как свод объективных истин существует. Есть лишь иллюзия существования науки. Витгенштейн говорит так даже о математике» [4. С. 46]. Хотя это положение выбивает почву для аргумента от (широко понятого) перформативного противоречия против позиции Витгенштейна-скептика в контексте науки, в частности, математики, в контексте философии такой аргумент все еще сохраняет силу.

Соотнесение с позициями В.А. Ладова и Е.В. Борисова

Может ли предложенная выше интерпретация аргумента от перформативного противоречия вписаться в то понимание данного аргумента, которое имеется у В.А. Ладова и Е.В. Борисова? Полностью обоснованный ответ, конечно, могли бы дать они сами. Но я рискну предположить, опираясь на цитаты.

¹ Эту точку зрения в тех или иных формах высказывали многие философы прошлого и настоящего. Из относительно новых работ можно назвать «Философию философии» Т. Уильямсона [10]. Уильямсон считает, что философское высказывание – это всегда попытка выразить знание. Философ должен принимать на себя эпистемическую ответственность, в частности, он претендует на то, что его высказывания представляют собой нечто такое, что может быть истинным или ложным, обоснованным или необоснованным.

Суть позиции В.А. Ладова можно понять по следующему фрагменту: «Если истинность предложений языка должна трактоваться только как их утверждаемость в лингвистической практике, поскольку термины, составляющие данные предложения, не имеют стабильных значений, то точно так же должны трактоваться и предложения теории об истине как условиях утверждаемости. Неверно говорить, что истина состоит в условиях утверждаемости, скорее, имеют место лишь лингвистические привычки, которые порождают иллюзию об истине как утверждаемости... Как Фреге утверждал, что если наука существует, то необходимо допустить схватывание объективных универсальных содержаний, так и мы формулируем более объемлющее условное суждение: если теоретическое мышление вообще возможно, то мы должны допустить возможность познания значений как общих концептов» [3. С. 308].

Таким образом, хотя В.А. Ладов явно трактует скептическую позицию как некоторую теорию, основание его аргумента состоит не в этой трактовке, а в принятии самой посылки о возможности теоретического мышления. И конечно, принятие этой посылки является необходимым условием участия в философском дискурсе. В этом смысле аргументация В.А. Ладова находится в полном согласии с той широкой трактовкой перформативного противоречия, которой я придерживаюсь. Остальная его аргументация, относящаяся не к опровержению скептицизма, а к демонстрации возможности в рамках теоретического дискурса, с определенностью говорит, по крайней мере, о некоторых правилах (в частности о правиле сложения в контексте математики), представляет интерес, но нерелевантна в рамках данной статьи.

Е.В. Борисов выражает свою позицию так: «[Р]ечевой акт отличается от производства звуков или букв тем, что агент 1) наделяет свои слова значениями, 2) достоверно знает, какими значениями он наделяет свои слова. Таким образом, если речевые акты существуют, то существует и знание значений агентами речи. Здесь важно подчеркнуть, что это знание не является результатом интерпретации (собственного или чужого) речевого поведения, т.е. результатом интерпретации фактов. Этот тезис нейтрализует аргумент скептика Крипке: скептик исходит из посылки, что знание агентом значений его слов базируется на определенной интерпретации его речевого поведения, но эта посылка неверна» [5. С. 27–28]. Пояснение, данное в другой работе: «Этот тезис [об изначальном знании агентом значения] мотивирован холистичной трактовкой речевого акта, которая означает, в частности, что придание значений языковым выражениям и применение значений следует рассматривать не как разные акты, а как два аспекта одного акта» [6. С. 90]. И далее по тексту: «[В] свете предложенной мною трактовки речевого акта между значением и знанием о нем нет эпистемической дистанции: знание значения возникает вместе с его определением» [6. С. 91].

Иными словами, с точки зрения Е.В. Борисова, значения существуют уже постольку, поскольку существуют речевые акты, и более того: они известны в тот самый момент, когда речевые акты производятся. Это намного более сильный тезис, чем у В.А. Ладова, согласно которому «любая скептическая проблема, любой скептический тезис сам может быть построен только на некотором позитивном основании. Например, на допущении... однозначности построения натурального ряда, как в случае со скепсисом Крипке» [4. С. 46]. Е.В. Борисов стремится не просто лишить позицию скептика ее философско-

го основания, но и принудить скептика стать реалистом. В этом смысле его аргументация, конечно, не укладывается в схему аргумента от перформативного противоречия в сколь угодно широком его понимании. Однако кажется, что в этой трактовке нет ничего прямо противоречащего тем моим рассуждениям, которые приведены выше.

Заключение

Аналогично моему оппоненту М.А. Смирнову, я не буду здесь повторять тезисы, которые были обоснованы в предыдущих разделах, поскольку это уже сделано во введении. Вместо этого я хочу сделать несколько замечаний, более полно раскрывающих мою идею. Во-первых сама установка на «серьезное» восприятие и производство речи не мешает продуктивно использовать скептические аргументы в философии. Аргументация в пользу любой сколь угодно абсурдной точки зрения служит как минимум оттачиванию искусства философского спора, а как максимум позволяет по-новому критически взглянуть на основания собственных позиций. Во-вторых, я не отрицаю существования и правомерности в рамках философии высказываний, сделанных с иными установками – юмористических, художественных и др., – лишь утверждаю, что из одних таких высказываний философская речь (любой ее связный и законченный в смысловом отношении фрагмент) состоять не может. В-третьих, хотя я не уверена в том, что правильно интерпретирую установку, с которой написана статья М.А. Смирнова, в рамках философского дискурса мне кажется вполне правомерным воспринимать ее так, как если бы она действительно была примером исследования, претендующим на выражение каких-то истин. И более того, ее философская ценность обусловлена именно таким ее восприятием.

Список источников

1. Смирнов М.А. Анализ проблемы скептицизма в отношении значения в категориях языковой прагматики. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 23–33. doi: 10.17223/1998863X/84/3
2. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1982.
3. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008.
4. Ладов В.А. Значение: реализм vs скептицизм // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 43–50. doi: 10.5840/eps202461221
5. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32. doi: 10.5840/eps202461219
6. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 89–94. doi: 10.5840/eps202461219
7. Austin J. How to Do Things with Words. Oxford : Clarendon Press, 1962.
8. Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 1973–1974. Vol. 47. P. 5–20.
9. Ginsborg H. The Normativity of Meaning // Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume). 2012. Vol. 86. P. 127–146.
10. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Second Edition. Hoboken and Chichester : Wiley-Blackwell, 2022.

References

1. Smirnov, M.A. (2025) Analysis of the problem of skepticism regarding meaning in the categories of linguistic pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya.*

Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 84. pp. 23–33. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/84/3

2. Kripke, S. (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language. An Elementary Exposition.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press.

3. Ladov, V.A. (2008) *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Ladov, V.A. (2014) Meaning: Realism vs. Skepticism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 61(2). pp. 43–50. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461221

5. Borisov, E.V. (2024) A Straight Solution to Kripke's problem. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 61(2). pp. 23–32. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461219

6. Borisov, E.V. (2024) Reply to Critics. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 61(2). pp. 89–94. (In Russian). doi: 10.5840/eps202461227

7. Austin, J. (1962) *How to Do Things with Words.* Oxford: Clarendon Press.

8. Davidson, D. (1973) On the Very Idea of a Conceptual Scheme. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 1973 – 1974.* 47. pp. 5–20.

9. Ginsborg, H. (2012) The Normativity of Meaning. *Proceedings of the Aristotelian Society (Supplementary Volume).* 86. pp. 127–146

10. Williamson, T. (2022) *The Philosophy of Philosophy.* 2nd ed. Hoboken and Chichester: Wiley-Blackwell.

Сведения об авторе:

Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, National Research Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aymoiseeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.10.2025;
одобрена после рецензирования 18.11.2025; принята к публикации 09.12.2025*

*The article was submitted 22.10.2025;
approved after reviewing 18.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*